

УДК 32(091)

А.В. Головинов**ИДЕОЛОГИЯ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА: СИНТЕЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ И КУЛЬТУРНОЙ ПЛАТФОРМЫ**

Рассматривается два базовых аспекта сибирского областничества как идеологии: политический и культурный. Автором установлено, что областническая идеология сочетает культурно-просветительские и политические основания. Показано, что политически областничество выразилось в разработке концепции национально-культурной автономии. Именно в автономии – залог гармоничного развития этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: *сибирское областничество, федерализм, автономия, идеология.*

Многоаспектность идеологического наследия сибирских областников позволяет ставить вопрос о выделении в нем доминирующей идеи-генома. Важно понять, на каких основаниях базируется данная концепция – политических или же культурническо-просветительских? Определение областничества как общественного явления, органично синтезировавшего комплекс взглядов культурнического и политического толка, важно для реконструкции системообразующего ядра областнической идеи. Тем более, что прогностические умозаключения мыслителей-областников о необходимости бережного, патриотического сохранения и дальнейшего развития «иностранцев» Сибири, историософские основы их проекта переустройства государственности на федералистских началах в духе концепции культурно-национальных автономий интересуют в наши дни главным образом историков региона. И только в последнее время появились некоторые признаки пробуждающегося внимания к областнической мысли со стороны отечественных философов и политологов.

Очевидно, что первоначальным импульсом, вызвавшим генезис идеологии областничества, являлся «местный» патриотизм, любовь к Сибири, своего рода «сибирефильство». Поэтому ключевой для нее была идея интегрального просвещения всех ее народов, пробуждения и закрепления в них общепатриотического чувства для того, чтобы в перспективе обеспечить динамичное социокультурное и политическое развитие Сибири как исключительно важной и неотъемлемой части Российского государства. Так, один из современных авторов справедливо обращает внимание на то, что основные пункты программы областников группировались именно вокруг идеи просвещения коренных народов Сибири. Среди культурных аспектов идеологии сибирской интеллигенции Т.Ф. Ляпкина, в частности, выделяет: место культур народов Сибири в системе координат «центр – периферия», взаимовлияние культуры столиц и провинций, соотношение понятий «культура» и «цивилизация» в контексте всемирной истории, проблему формирования новых этнических типов населения и взаимодействия автохтонных народов и переселенцев на уровне менталитета и культуры «повседневности». В целом же теорию обла-

стников она рассматривает как впервые оформившуюся региональную концепцию развития культуры [1. С. 55].

Тем не менее автор настоящей статьи склонен полагать, что на одной культурнической основе областническая идеология, разумеется, не замкнута. В ней представлена и достаточно развернутая политическая компонента. Областничество даже и для самих идеологов сибирского патриотизма является, в первую очередь, общественным движением культуртрегерского порядка. Однако для решения своеобразных «культурных задач» областники **разрабатывали программы политического развития региона**. Именно с этой целью подчеркивалась самоценность и универсальная значимость народного суверенитета как основы будущего экономического процветания и социокультурного развития общества «под знаменем свободы и независимости». Чтобы достичь «истинно народного», то есть собственно социального процветания периферии, в идеале центр должен поддерживать разнообразие провинциальной жизни. Сама государственность в гуманистической идее сибирских интеллигентов рассматривалась как союзная совокупность областей, имеющих свои местные интересы, которые тесно связаны с интересами общенациональными. Поэтому наиболее плодотворной политической формой «народной жизни» ими признавалась только федерация, так как в условиях федеративной демократической государственной организации народонаселения страны и становится возможным адекватное, полновесное и полноценное культурное развитие самих «народно-областных начал».

Наиболее емко и точно политическую сторону данной концепции акцентирует один из авторов журнала «Сибирские записки». «В политическом отношении, – замечает он, – **областничество ставило перед собой достижение таких форм государственного строя, которые были бы совместимы с возможностью наиболее широкого осуществления культурных задач областничества**, т.е. возможностью самых разнообразных и обширных, по преимуществу основанных на принципе территориальности, соединений населения для достижения духовных, экономических и др. целей» (выделено мной. – А.Г.). По верной оценке этого автора, политическая сторона областничества имеет в большей степени формальный характер, а «сердцевиной» его все-таки является культурничество [2. С. 74].

Представляется, что сегодня уже назрела необходимость формулировки более точного определения коренного смысла идеологии сибирского областничества с современных исследовательских позиций, синтезируя и в то же время диалектически взвешенно расчлняя два этих аспекта областнической идеи. В обоснование приведем несколько наиболее полных, на наш взгляд, его дефиниций, сформулированных отечественными исследователями. Так, именно с культурной точки зрения определяет суть областничества Н.К. Пиксанов. «**Областничество**, – считает он, – **это уже фактическое наличие того или другого местного культурного запаса**; осознанная тенденция, учет местных сил, стремление организовать их к дальнейшему развитию и противопоставить нивелирующему центру. Областничество – это то, что долго не было осознано столичной русской наукой теоретически» (выделено мной. – А.Г.) [3. С. 32].

Иная характеристика областничества давалась В. Коржавиным: «**Сибирское областничество – это общественное течение**, ставящее целью всестороннее развитие Сибири, но противопоставляющее при этом Сибирь Европейской России» (выделено мной. – А.Г.) [4. С. 138].

Приведенные выше определения могут свидетельствовать лишь об одном, – о явном факте многогранности областнической идеологии. С другой же стороны, как отмечали Г.И. Пелих и А.Т. Топчий, «следы тайной теории» (имеется в виду областнической. – А.Г.) трудно реконструировать, так как ее авторы не могли в тех условиях опубликовать основные положения своей системы взглядов [5. С. 72]. При этом факт существования областнической теории как полиаспектной идеологической системы практически никто из исследователей не подвергает сомнению.

Вполне очевидно, что главная идея областников изначально была направлена не на политическую организационную деятельность, а на культурно-просветительское обустройство Сибири. Исторические события складывались таким образом, что сибирские областники просто были втянуты в политическую борьбу. Их авторитет среди сибирского общества был настолько велик, что в период революционных событий 1917 г. этим воспользовались политики. Таким путем, например, был втянут в политические события Г.Н. Потанин, возглавивший Временный сибирский областной Совет в 1918 г.

Этот аспект областничества как движения рассматривал в свое время Д. Илимский. «**Областники**, – пришел он к выводу, – **в дебри высокой политики не забираются**... их обвинения в адрес государства и метрополии питаются не столько федералистскими побуждениями, сколько трехсотлетним насилием, которым одарила метрополия сибирскую окраину». Биограф сибирского патриота констатировал: «...**потанинская политическая философия** основана исключительно на внутренней борьбе жизни... **как течение искренне-демократическое** в стремлении к созданию собственной сибирской культуры областничество получит в будущем свое возрождение под условием отказа от политической и социально-классовой борьбы» (выделено мной. – А.Г.) [6. С. 210–211].

Представляется несомненным, что сибирское областничество как идеология принципиально исключало идеи социального экстремизма, напротив, сторонники этого течения выступали за мультикультурный и полиэтнический характер общественного прогресса и социальной гармонии. В таком случае дистанцирование от активной политической деятельности основывалось на том, что областничество имело надклассовый, полисоциальный характер как по своему составу, так и по идеологическому содержанию.

Идеология областничества, диалектически включая культурный и политический аспекты, не избежала и критических оценок. В частности, В.Е. Воложанин в определенной степени обвинял областников в излишнем демократизме, направленности их теоретических разработок и практической деятельности на местные интересы, в приоритетности их начинаний в культурнической работе. «Демократические принципы, – заявлял он, – не чужды областничеству, но областники своим отношением к вопросам общерусской политической жизни сами создают тормоз для претворения в жизнь начал после-

довательного демократизма» [7. С. 3]. Обличал областников в «беспринципном культурничестве» Н.Ф. Чужак, утверждая, что областники могут «пользоваться чуть ли не политическим доносом во славу местного патриотизма» [8. С. 213]. Представляется, что подобная критика была относительно умеренной, и уже само ее наличие есть яркое свидетельство актуальности и популярности областнических идей. «Подобное **отрицательное отношение к областническим стремлениям основано**, – специально разъяснял В.М. Крутовский, – **на недостаточном анализе тех духовных возможностей, проявление и расцвет которых возможен при широкой политической децентрализации**» (выделено мной. – А.Г.) [9. С. 50].

Преобладание «культурного реформаторства» в идеологии областников было вызвано неразвитостью гражданско-общественной жизни Сибири. Здесь отсутствовали элементарные политико-правовые условия и возможности для полноценного этнокультурного развития так называемых малых народов. Кроме того, сибирские общественные деятели обращали внимание на неуважительное, а порой и унижающее достоинство «инородцев» отношение новых русских переселенцев к культуре, обычаям и традициям автохтонного населения края. Тем более, что проблема неравноправия народов и народностей в России существовала тогда вполне реально. Другое дело, что областники иногда преувеличивали значение «инородческого вопроса». Но это, пожалуй, делалось только для того, чтобы привлечь внимание широкой общественности к проблемам развития культурного потенциала коренных народов столь обширного региона. Действительно, культурная линия областнической идеологии содержит известную долю своеобразной апологетики полиэтничной культурной самобытности Сибири.

В этнокультурном и этнополитическом плане Сибирь для областников лежит на «перекрестке» цивилизации и рассматривается ими как особая геотнокультурная часть не только России, но всего континента Евразии в целом, где Восток и Запад – не два противоборствующих полюса, а части органично «единого и неделимого» национально-регионального пространства. И в этом смысле Сибирь, с их прогностической позиции, может в будущем стать потенциальной сферой плодотворного взаимодействия двух цивилизаций. Порожденная органичным слиянием восточных и западных мотивов культура народов Сибири синкретична по своему характеру. По мнению Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, на ее пространствах уже образуется специфическая культура «областного типа русской народности», являющаяся важной частью отечественной и мировой культуры. Именно для саморазвития такого имманентного потенциала региона патриоты Сибири теоретически ставили перед собой и даже практически решали первостепенные просветительские задачи. Среди них особо важным было насыщение «восточной окраины» России культурными «областными гнездами» – сотовыми ячейками, то есть учебными заведениями, музеями, библиотеками и т.д. Однако сложно себе представить социокультурное, гражданское развитие вне политической свободы, базисом которой как раз и выступает индивидуальность и разумная самостоятельность. Так, политически областничество выразилось в разработке концепции национально-культурной автономии. Именно в автономии они видели залог гармонии этнокультурного многообразия. Автономная само-

бытность выступает в этом смысле важной политической гарантией сохранения уникального своеобразия сибирских народностей, немислимого без общественного самоуправления. Выступая против дискриминационных сторон региональной политики самодержавно-бюрократического «центра» в отношении Сибири, областники разрабатывали вопрос о земстве, которое воспринималось ими главным средством утверждения возможности хотя бы относительной самостоятельности Сибири.

Итак, областнической идее имманентно присущ акцент на культурной составляющей, поскольку ее разработчики, не располагая легальными возможностями для всесторонней реализации своего союзно-федералистского проекта преобразований, действуя в неблагоприятных политических условиях, просто вынуждены были выбрать наиболее оптимальное в тех условиях направление деятельности. Такой единственно возможной сферой практического приложения своих творческих сил являлись для них лишь культуртрегерство и просветительство в самом широком смысле обоих этих понятий. Поэтому именно культуричество областников было в реальности главным для них движущим импульсом. Соответственно, его и следует считать ключевым компонентом областнического мироощущения. Однако совершенно очевидно, что и политическая программа лидеров областнического движения являлась синтетической частью их идеологического творчества.

Литература

1. Ляпкина Т.Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири. Конец XVII – начало XX вв. СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2006.
2. Ландарма. По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 70–78.
3. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда М.; Л., 1928.
4. Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. 1971. № 12. С. 7–15.
5. Пелих Г.И. Топчий А.Т. Тайны областнической концепции // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения 1995 года. Томск, 1996. С. 72–73.
6. Илимский Д. Григорий Николаевич Потанин // Северные записки. 1915 (сент.). С. 210–211.
7. Воложанин Е. Колосов и областники // Утро Сибири. 1916. 23 сент. (№ 206). С. 2–4.
8. Колосов Е. Сибирские областники о прошлой и краевой интеллигенции // Сибирские записки. 1916. № 3 (авг.). С. 206–220.
9. Крутовский В.М. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. 1917. №1. С. 46–50.